

# Э Д У А Р Д ЛИМОНОВ

Z: 155.1%  
17:55  
E2-122.0(43.3H)  
(-0.1, 5.2, 48.4)  
PF WW: 72.7% WL: 37.9%

AE.V.SA

73 M 7654.001  
Mar. 14. 2016  
12:25 PM  
10756.7141

Time 2:36  
FSF+M1c  
TR=6000 TE=1100 244Hz.19  
FA=90/160 TL=2000  
GAS4:RP 32.0 0.70v  
PE:...



...И  
ЕГО ДЕМОНЫ



ЛИМБУС ПРЕСС  
Санкт-Петербург

Эдуард Лимонов  
**...и его демоны**

«Издательство К.Тублина»

2016

УДК 821.161.1-31  
ББК 84 (2Рос-Рус)6

**Лимонов Э. В.**

...и его демоны / Э. В. Лимонов — «Издательство  
К.Тублина», 2016

ISBN 978-5-8370-0798-9

В новой книге бескомпромиссный писатель и радикальный политик Эдуард Лимонов, оказавшись лицом к лицу со смертью, подводит итог своей яркой, авантюрно прописанной жизни. Что удалось? Все ли сведены счета? Сам ли он плетет свою судьбу, или вершат ее хохочущие демоны? Об этом читатель узнает из первых уст, способных жечь глаголом, обнажать и убивать проклятием. Роман печатается в авторской редакции

УДК 821.161.1-31  
ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-8370-0798-9

© Лимонов Э. В., 2016  
© Издательство К.Тублина, 2016

## Содержание

Как он начал умирать	6
Огненные демоны	10
Восставшая обезьяна	15
Out	19
Подарки	22
Обращение к партии	26
Анонимка с комментариями	29
Подруга	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

# **Эдуард Лимонов**

## **...и его демоны**

© ООО «Издательство К. Тублина», 2016

© А. Веселов, оформление, 2016

\* \* \*

## Как он начал умирать

Вначале Данила сменил клавиатуру компьютера. Данила решил, что клавиатуру глючит, поскольку Председатель пожаловался, что внезапно появляются большой и жирный шрифты, выскакивают не те буквы, которые нужны.

Клавиатура стоила 1100 рублей, но смена клавиатуры не помогла. По совету мудрых спецов по Интернету они сменили браузер. Точнее, Данила менял, а он смотрел. Не помогла и смена браузера. Тогда поставили новую систему Windows. Ситуация не изменилась. Тут одновременно оказалось, что он смог остричь ногти на левой руке, но не может остричь на правой. Как он ни прилаживался вывезенными из Соединенных Штатов вечными маникюрными ножницами, дело происходило у окна, на холодной кухне, ножнички не подчинились и ногти не были срезаны.

Далее оказалось, что ему не удаётся завязать на «Док. Мартенс» шнурки, потом он запутался в брючных штанинах и в бессильной злобе извивался, как червяк, на кровати, а затем на полу.

А потом его охранники открыли, что он волочит левую ногу.

Тут-то Дмитрий и записал его на МРТ, посмотреть голову.

В морозный мартовский день поехали в прославленный квартал Рублёвского шоссе, где неожиданно дешево делали МРТ.

Меланхолически разглядывая серую, все 50 оттенков серого, Москву, он размышлял, что, кажется, приближается его конец. И что он не готов.

Человек, столько навыказывавшийся о том, как нужно гордо встречать смерть («с вызовом»), оказался абсолютно не готов, между тем он и смерть стали опасно близки.

Даже не застрелишься, его жизнь профессионального радикального политика не позволяла содержать дома огнестрел, придётся бессильно ползать в ярости. Правда, демонстрируя этим своеобразный героизм отчаянья, однако героизм жертвы. Он более всего страшился стать жертвой, жертв презирал, и вот над ним зловеще надсмехались высшие силы. Он ожидал подлых выходок от современников-людей, а за ним стали охотиться сверху.

Его вели охранники, потому он не запомнил путь, помнит лишь, что пришлось выйти из «хуиндаи», что не к самому подъезду доставили. «Да и мать его!» – подумал он. «Чего теперь, будем заниматься тем, что преодолевать себя, несгибающегося или сгибающегося, но не в том направлении».

Он сдал очки и, опираясь на седовласую женщину (она ему предложила), пошёл в камеру, где стоял аппарат. Ему велели снять с себя все металлические вещи, он снял, забыл одно серебряное кольцо в кармане, лопнувшее, он носил его на счастье. Извлёк, отдал. Кольцо было родом из Душанбе, там ему кольцо и подарили. Полковник.

– Ложитесь на спину. Вот вам в руки шарик, если захотите остановить всё, стисните шарик. Вас будут атаковать звуками, множество скорее неприятных звуков. Всё будет продолжаться минут пятнадцать. Лучше закрыть глаза.

На самом деле это оказалась атака звуками, но и шумная атака зловещих демонов. И было налицо нагнетание давления демонов на него. О, как они завывали в разных ритмах! Как рычали саблезубо, как кровожадно хлюпали челюстями! Демоны устроили оргию, жорево, вызывая ужас, смятение и опять ужас.

Высокомерие демонов и их нахрапистая пёсья наглость не имели границ. Толстые голоса сменялись тонкими, пороссячий визг – рычанием демонов-львов.

Он вытерпел. С его лица сняли пластмассовую маску, вернули очки, вошли его охранники и помогли ему надеть туфли (сам он уже не умел их надеть). Его препроводили в без-

алаберную неухоженную приёмную, где сидели две необъятные армянки – мать и дочь, сказали: «Ждите».

Пришла незнакомая доктор и принялась убеждать старшую армянку, что её плечо «не войдёт». Вышла ещё одна доктор и подтвердила, что «такое плечо не войдёт». Куда не войдет, Председатель исполкома независимой политической партии, он не понял. И ему не суждено было узнать, потому что вышла женщина со снимком его черепа, сделанным с помощью демоновских криков. Женщина стала взволнованно убеждать старшего группы охранников Дмитрия в том, что ему – Председателю – необходимо немедленно делать операцию. В мозгу у него гематома длиной в 142 мм и шириной в 38 миллиметров. Она давит на мозжечок, давит на полушарие, которое управляет левой половиной тела. Ещё чуть-чуть, и деформация мозга станет необратимой.

В этот именно момент он понял, что они зря сменили клавиатуру, зря меняли браузер и низачем поставили десятый Windows.

Тут вдруг включились запахи. Вообще-то он давно где-то утратил обоняние, не то на одной из военных дорог, не то в тюрьме, но вот включилось обоняние.

Пахло плохо. Пылью неухоженного помещения (а ещё Рублёвка!), обувью обеих армянских женщин, слабо несло откуда-то кислой капустой. «Там у них где-то в глубине столовая», – предположил он.

Нужно было искать нейрохирурга. Нужно было звонить, находить хотя бы тех, кто мог знать нейрохирургов. Поехали в квартиру Председателя.

Квартира за время его отсутствия стала полностью чужой. «Теперь все квартиры будут мне казаться чужими», – догадался он. «Тесная и подслеповатая», – подумал он.

Переворачивать листы самодельной телефонной книги правой рукой ещё было возможно. Книжка была потрёпанная. Спешно, рывками нервов переворачивал, поскольку было понятно, что время таки в этот раз воистину дорого, может стоить ему жизни.

Господи, сколько ненужных номеров телефонов он нацарапал за эти годы, прошедшие со времени, когда он впервые открыл эту, тогда ещё молодую и крепкую, тетрадь. 13 лет тому назад. Иные выцвели уже всеми цифрами, иные истёрлись и заплыли от бесчисленных прикосновений его пальцев. О доброй половине этих фамилий ему не было ничего известно, он начисто забыл, кто они такие – обладатели этих фамилий и цифр. Возле некоторых красным шариком ручки было выведено «мёртв» и стояли заливчатские восклицательные знаки. Было такое впечатление, что его облегчало это «мёртв!». Это давало ему возможность подвести итог человеку. «Мёртв!» Телефоны некоторых мёртвых были яростно перечёркнуты. Наверное, не от радости, но от определенного чувства порядка. Живые тут, а мёртвые пусть выселяются.

Охранники названивали во все стороны.

Он вспомнил одного коллекционера работ художников русского авангарда конца XX века, покойные Бахчанян и Беленок были украшениями его коллекции. Председатель вспомнил, что профессия коллекционера – хирург-кардиолог, профессор. И позвонил ему:

– Михаил! У меня тут ЧП приключилось.

И быстро рассказал о клавиатуре, о неспособности остричь ногти на правой руке и в конце концов о гематоме.

– Михаил, у вас нет ли знакомого нейрохирурга?

Михаил, привыкший иметь дело со страждущими и болящими, позвонил через час, показавшийся Председателю вечностью, и дал телефон светила нейрохирургии.

– Скажите, что от меня!

Светило назначил ему встречу на завтра на утро. Председатель хотел сказать: «А доживу я до утра?», но решил, что будет выглядеть с этой фразой трусом, и не сказал. С

ним остался ночевать здоровенный парень из Химок, Сергей, три судимости, лёг в большой комнате, чтоб если что, то спасти его как-то, вызвать скорую хотя бы.

Ночью он кое-как спал, а утром поехали. Офис светила находился в центре Москвы. Председателю всё в центре Москвы было знакомо. Они показали светилу целлулоидный снимок МРТ, где ясно во множестве ракурсов был виден круассан гематомы.

– Срочно нужно вас оперировать. Я сейчас дозвонюсь профессору, – светило назвал фамилию.

Инвалидом он вышел с третьего этажа вниз, держась за перила и за стенку. Как слепого, охранники довели его до автомобиля, и «хуиндаи» понёс их в направлении профессора, который то ли поможет Председателю, то ли он сдохнет в руках этого профессора.

В лобби евро-медицинского нацистского лагеря стояли во множестве зомби-роботы, улыбочивые и страшные в своей улыбочивости, непонятных национальностей. Одни предлагали анкеты, другие сканировали паспорта. Бледные охранники в чёрном стояли вытянувшись, как кариатиды, у стен, строгие в фуражках, несколько женщин в пилотках были похожи на стюардесс или жриц Богини смерти.

Дмитрий немедленно подчинился их порядку, стал заполнять длинную анкету, при заполнении которой больному возможно было умереть несколько раз.

– Брось это занятие, звони профессору.

Дмитрий продолжал заполнять анкету.

– Дай мне телефон профессора! (Дело в том, что все телефоны поступали отныне к Дмитрию, поскольку Председатель становился недееспособен же.)

– Но нужно заполнить анкету... – взмолился Дмитрий.

– Ты что, не видишь, что они роботы, зомби. Это не для нас, это для всех. Дай телефон.

Дмитрий сказал:

– Успокойтесь! – Но дал ему телефон.

– Профессор, я здесь в лобби, – он назвал себя. – Пришлите кого-нибудь нас забрать.

Через пару минут профессор со свитой длинноносых и очкастых юношей был в лобби. Они пожали друг другу руки.

– Следуйте за мной, – сказал профессор.

Его поместили в палату номер шесть. Сергей из Химок спустился вниз и принёс из раздевалки его бушлат. У Председателя была с собой наготове сумка с вещами, он собрался на операцию, как в тюрьму. В сумке было всё: и зубочистительная щётка и паста, и пластиковые тапочки, и треники с белой лампасой, и чёрно-синий халат, и крупно-вязаная кофта, и прочее, и прочее.

Приехал отставной офицер КГБ с креслом (он не мог быть не офицер КГБ в отставке, его выправка и невозмутимое широкое мускулистое доброе лицо кричало, что он экс-офицер КГБ). Председателя усадили в кресло, на руки положили плед, ещё он взял свой пиджак чёрного вельвета поверх пледа, и поехали. Сергей из Химок рядом, череп брит.

Сколько возили его так, от доктора к доктору, снимая показания его тела, Председатель не смог удержать в памяти. Затем его вернули в палату.

Пришёл профессор, сказал: «Слушайте меня внимательно: есть три исхода операции, согласие на которую вы сейчас подпишете или нет».

1. Операция пройдёт успешно, сутки вы побудете под наблюдением в реанимации, потом переведём вас в стационар и через несколько дней мы вас выпишем, поскольку у нас тут бизнесмены заправляют, стационар очень дорого стоит.

2. Либо операция пройдёт неудачно, и тогда всё может быть. Профессор многозначительно промолчал.

3. Операция пройдёт, но затем обнаружатся осложнения, нам не удастся дренировать всю вашу гематому, и тогда придётся операцию повторить.

Председатель сказал, что согласен, и подписал согласие. Ещё в палате медсестра Лена, толстая проворная блондинка, сделала ему, как она сказала, «успокоительный укольчик». Он впал в забытье уже у дверей с надписью «Операционная». За дверью его, очевидно, подключили уже к серьёзному аппарату анестезиологи.

Занавес.

В следующей главе «Огненные демоны» события будут и дублироваться, и наезжать друг на друга, как льдины на Неве, в городе на Неве не однажды наблюдал их Председатель. Вы, кто будет это читать, не обращайтесь на повторы и набегающие друг на друга сцены. Так надо.

## Огненные демоны

Вернёмся к тому моменту, когда они ещё входят вовнутрь Европейского центра. Председатель и охранники вслед за профессором.

Он впредь будет называть учреждение «еврофашистским». Несмотря на то что и охранники его, и впоследствии обслуга центра: медсестры и доктора, вздыхая, впрочем, будут объяснять ему, что это по европейским стандартам всего-навсего большое медицинское учреждение, которым управляют бизнесмены, ну что делать. Теперь везде так: «Хочешь жить – плати».

«Один с сошкой, семеро с ложкой», – пробормотал он, разглядывая внутренности учреждения, в которых они шли.

– Что-что? – обернулся профессор.

– Помните нашу русскую поговорку, один с сошкой, семеро с ложкой? По-моему, большевистско-агитационного происхождения поговорка. Так вот, здесь у вас вы – с сошкой, зарабатываете валюту и рубли на семерых нахлебников, этих роботов с беджиками в пилотках, как у Люфтваффе, и черномундирных эсэсовцев – чоповцев.

– Хм. Интересное сравнение... Прошу вас, – профессор пропустил его в лифт.

Его привезли в палату 6, там был сломанный жёлтого цвета стул на металлической раме, металлическая медицинская кровать, столик с двумя уровнями. Он сходил в туалет, охранники тихо ждали.

– Как двухзвёздочный в запущенном состоянии европейский отель, – изрёк он и подошёл к окну. За окном прямо анфас торчали чёрные, как плохие зубы, несколько одиннадцатизэтажных зданий. Чем-то знакомые ему. Он вгляделся.

«Господи, твоя власть, этого ещё не хватало!» Двадцать лет тому он жил здесь вместе с Лизой, длинноногой, тонкой, как шнурок, девушкой, погибшей 9 февраля 2012 года от последствий употребления drugs. Он недавно сходил к ней в этот день на старое Даниловское кладбище, где её похоронили в ногах родственников по матери. Плохой, наверное, знак, подумал он о соседстве с её зданием.

«На каком же этаже он жил в её квартире? Ну как – жил? Проводил вечера и ночи, да и то не все, у него была тогда арендована его квартира в Калошином переулке». Он пошарил глазами по балконам седьмого и восьмого этажей. Где-то там. Ни с одного балкона, впрочем, не свешивался труп юной красотки и не сверлил его окна глазами. Она умерла, не достигнув сорока, так что в любом случае юной, вряд ли она внешне изменилась. «Груди-дыньки, яркий рот, и развратна, как енот», – вспомнил он строки своего стихотворения о ней.

Нет, через перила балконов седьмого, шестого и восьмого этажей не свешивалась яркогубая девушка с фиолетовыми глазами. Суккуб не скалился в него и не улыбался.

Вряд ли она простодушный демон. Как-то позвонила ему, сказала, что ушла от мужа, и позвала приехать. Если она умерла от СПИДа, вот был бы номер. Не факт, что умерла от СПИДа, родители тщательно скрыли, от чего именно, но было известно, что от последствий drugs, а это либо гепатит С, либо СПИД.

Её супруг получил семь лет за свои drugs. Как-то супруг давным ещё давно подошёл к нему в модном журнале и представился: «Я – муж Лизы». Вот был бы номер, если бы она заразила его СПИДом? Какой он молодец, Председатель, что не поехал...

«Эй, эй, да у тебя гематома мозга, – одёрнул он себя, – ещё неизвестно, что милосерднее, гематома: ты шаркаешь ногой и левая рука у тебя если не отсохла, то в дерьмовом состоянии... а ты... А может, Суккуб ещё не был в то время болен?»

«Слушай, – обратился он к себе. – Она безответственна и по совсем простым категориям – плохая девочка. Вполне могла пригласить тебя, чтобы заразить. Для зловещего удовольствия».

Дмитрий отправился вниз в холл, договариваться с роботами об оплате. Они требовали за операцию и пребывание в палате шесть своего концлагеря дикие какие-то деньги, залог. Что-то вроде восьми тысяч евро. Пошёл договариваться. Большой брутального вида Серёга остался. Серёга был три раза судим, два раза по делам Партии, третий раз – брутально чикнул ножничком человека, с которым пил, складского рабочего. Серёга стал ходить от окна к выходной двери. У Серёги были другие стандарты. Здесь ему нравилось. Он как-то лежал в 71-й больнице в грязи и окурках.

– Сестра! Не в службу, а в дружбу. Не обрежете мне ногти вот на этой руке? – он протянул правую. Под ногтями скопилась грязь. На левой он сумел остричь ногти, держа ножнички в правой, а левая держать ножнички отказалась.

Лена, так звали толстую блондинку-медсестру, пошла в коридор за ножницами.

– Ну у вас и ножницы! Чего такие огромные и грубые?

– Ну у нас же тут не маникюрный салон... Маникюрные не держим.

Он также не держал маникюрный салон, однако имел по своему фактическому месту проживания маникюрные ножницы.

Кое-как, как топором, Лена остригла ногти на правой.

– А пилочки нет?

– Ну у нас же не маникюрный салон, – взмолилась она.

Кабриолет ему подали. Вошёл крупный спортивного вида добрый мужлан с лицом отставного полковника, Серёга и мужлан посадили его в чёрное инвалидное кресло, положили ему на колени плед, поверх пледа он водрузил свой чёрный пиджак из вечного итальянского вельвета. В глуби пиджака у него хранились паспорт и money.

– Хоть покатайтесь! – сказал полковник-рикша.

По дороге к ним присоединился Дмитрий и зашептал ему, какие они здесь ужасные и что только при содействии профессора ему удалось обойтись меньшим залогом.

– Чего ты хочешь от евро-фашистского концлагеря, Дмитрий?! Это же money-выжималка здесь.

– Да, порядочки у них тут... Деньги делают, – признал Дмитрий.

Его провозили по длинным коридорам, опускали и подымали в просторных лифтах, где прислуга концлагеря испуганно жалась к стенам. Медицинский концлагерь оказался воистину огромен. Неисчислимые толпы служащих концлагеря выглядели бледными и испуганными. Он, путешествуя с ними, пытался вывести их из летаргии рискованными шутками, пока не понял, что у них запрещено разговаривать и с пациентами, и друг с другом. Тогда он заткнулся.

В палате номер шесть ему приказали переодеться – надеть казённое платье: длинные белые чулки аж до паха и распашонку, завязываемую медсестрами сзади. Дали также какие-то нитяные трусы от заведения. И он стал ждать.

Посмотрел на здание, где он жил с Суккубом. Впрочем, тогда она звалась Елизаветой. Нет, голый узкий труп не свешивался через перила балконов, не раздавался глумливый её хохот...

Часам к десяти вечера вновь приехал рикша-полковник, его усадили в кресло в новом его облачении. Он сказал всем, кто его окружал, а это были рикша-полковник, толстая блон-

динка Елена, Серёга, Дмитрий: «Обрядили, как Цинцинната на казнь». Но никто из них, видимо, Набокова не читал, потому они промолчали. Неначитанные.

Преодолев лифты, коридоры и двери у таблички «Операционная», где скакали красным цветом лампы, рикша-полковник сообщил его охранникам, что «дальше вам, ребята, нельзя».

Охранники ушли, после того как рикша клятвенно обещал им, что вручит мобильник и очки их боссу сразу же после того, как к нему вернётся сознание после операции. Точнее, вручит женщина, должность которой именно предусматривает выполнение этих функций – вручать.

Его сознание к тому времени уже покидало его. Ибо медсестра Лена, подстрекаемая самим профессором, вонзила ему ещё в палате иглу с анестетическим раствором. Ему сказали, что в операционной его подключат уже к серьёзной анестезии.

Очнулся он от резкой боли. Идентифицировал, что это боль от раскалённой иглы. Наклонённая над его задницей головка девушки обернулась, поднялась лицом, и он увидел расшлёпанный простецкий русский носик и такие сладенькие завлекающие мягкие глаза.

Было частично темно, но пятна света здесь и там обнаруживали неодетые фигуры в разных позах, находящиеся на койках. Несколько пятен света были особенно яркие, и туда и оттуда в эти пятна и из них проникали фигурки в белых халатах.

– Я где?

– Вы в реанимации. Вы после операции, – ответил носик. – Писать хотите?

– Ещё не понял...

Внезапно включились его уши... И возникла какофония голосов. Предсмертные хрипы, болезненный храп, как бы ночные крики совы, кашель, кашли... Звуки перекрикивали друг друга.

Он всё понял. Спокойного конца жизни не будет. Демоны, и плохие, и хорошие, ополчились на него, мстя за те тайны их, о которых он сумел догадаться. «Готовься к худшему, старик», – сказал он себе. «Будем готовы», – ответил себе.

Он себя не видел в этом мире темноты и светлых пятен, в мире кубизма и кривых зеркал, движущихся, как призраки на кладбище над могилами. Но выглядел он вот как:

Всклоченный одной стороной седых волос слева и выбритый с правой стороны череп с тремя отверстиями в нем. Из черепа выходила пластиковая трубка, а по ней высасывалась гнилая кровь гематомы, ибо в крови плавал его мозг. Old punk – подумал он. Ещё он был в медицинских чулках и без трусов.

Он услышал дикие звуки и утопленные глубоко в звуках английские слова. В это время мимо как раз проскальзывала медсестра с расшлёпанным носиком.

– Если нужно, я могу перевести, я английский знаю, и французский знаю, и вообще все языки.

– Спасибо, у нас доктора говорят на иностранных.

Медсестра отошла.

«Боже мой! Я с ней флиртую! „Все языки!“ – неподражаемо. Из черепа через дренажное отверстие льётся гнилая кровь по трубке. Я без трусов. На мне медицинские высокие чулки, как на девке, свалившаяся на одно плечо концлагерная распашонка, а я флиртую. Я в реанимации, чёрт знает на кого похож, видимо, а я флиртую. О, велика ты, сила сексуальности! Час как с операционного стола. Здесь просто ад. Привезли старика, он даже век не может поднять, рот открыт, лежит в центре реанимационной палаты. А я флиртую».

Он улыбнулся в темноте. Потом расхохотался. Тотчас же из глубины этого срежиссированного мрачным каким-то замогильным режиссёром Могилом Серебрянниковым появилась она, с расшлёпанным носиком.

– Вам утку дать?

– Не знаю.

– Держите.

– А как ею пользоваться?

– Горизонтально её и в отверстие суйте.

Он сунул безо всякого стеснения.

Демон среди демонов, бес среди бесов, и она – демон. Разве бесы стесняются?

– Не получается? – она естественно наклонилась, чтобы разглядеть.

– Нет, – сказал он, – пока нет, не получилось.

– Это потому, что вы не пили ничего, до операции же нельзя. А с утра вы пили?

– Кофе в шесть утра.

– Ну потом сможете.

Выпрямляясь, она поставила на место, спустила вниз свою грушевидную попу в комбинезончике, под халатом у неё был комбинезончик.

Англоязычная женщина задышала и вдруг завопила на неизвестном языке.

– Пить хочет. Но ей нельзя. Профессор сказал, что ни грамма.

– Все мы тут бесы, и вы, и они, и я.

– Да, – согласилась она, – бесы.

– Земля управляется огненными бесами, вы знаете.

– Да, – кротко согласилась она.

– Они держат в тайне от нас, кто мы и зачем нужны. Нам позволяют только те открытия, которые нас запутывают. А другие не позволяют. То, что кажется нам нашими открытиями, есть лишь то, что позволено бесами. Они не пузатые-волосатые, а сполохи энергии, вы знаете?

– Я знаю.

– Света, там старика нужно обмыть. Принесли.

– Да, Даша, иду!

– Сними халат, запачкаешь. Он очень грязный.

Снимает, обнажив сильную грушевидную попу. Ушла.

Он закрывает глаза. И таки спит.

– Вот, наденьте! Это наши трусы. Простые медицинские. Давайте помогу, приподнимите попу.

Оказавшись на нем, трусы выглядят девичьими.

– Они же женские!

– Нет, они unisexовые. Для обоих полов. Утку дать?

– Давайте.

– Суйте.

Он суёт и журчит. Пытается закрыть утку зелёной крышкой.

– Дайте. Она не должна быть закрыта, утка. Почему так мало?

– Утром пил только кофе...

– Захотите ещё, скажите!

– Света, почему так мало света?

– Вам всем нельзя возбуждаться...

Она подвозит ещё одну ширму, и он оказывается изолирован от остального пространства реанимации.

Медсестра приходит, уходит, приносит утку так часто, зачем? «Мы что-то с ней совершаем, – понимает он. – Без предварительного сговора».

– Суйте. Почему так мало?

– Суйте. Почему так мало?

– Вот, сейчас хорошо.

Ему хочется, чтобы утка была доверху, чтоб она была довольна. Вид сексуальности.

Поутру профессор делает обход. Подходит и к нему, свернувшемуся в клубок, как вольерная обезьяна. Правая сторона черепа соединяется красивой, как конфеты «раковая шейка», прозрачной трубочкой, слой крови, слой воздуха, слой крови, с канистрой с его кровью, пристёгнутой к кровати. С профессором студенты и доктора. В зале реанимации светло. Он ищет глазами её и находит. Она в задних рядах, улыбается чарующей улыбкой простой русской бесовки-медсестры.

– Как себя чувствуете после операции?

– Спасибо, профессор, отлично. У вас такие старательные здесь сестрички.

Она лукаво улыбается в заднем ряду.

– После завтрака вас переведут в стационар.

Профессор уходит, толпа около его кровати рассасывается. Председатель бесцеремонно, мол, «подь сюда, ты!», подзывает медсестру пальцем.

– Тебя как зовут?

– Светлана.

Он услышал, как её зовут, ещё ночью, но ему хотелось подзвать её пальцем, в развязной манере: «Ты, иди сюда!» «Ты, иди сюда!»

## Восставшая обезьяна

«После завтрака» затягивалось. Он впопыхах съел невкусную, несоленую рисовую кашку и такой же невкусный, несоленый салат, не стал пить чай, потому что руки у него тряслись и чай мог пролиться на кровать, проглотил сердцевину двух («бриошей»?) комков теста с начинкой из фруктов и стал ждать перевода в «стационар».

Ждал с нетерпением по одной простой причине. Председателя, как важного, известного больного, поместили впритык к местоположению командования реанимацией, к командному пункту.

Столы (два), компьютеры, шкафы и шкафчики с медикаментами, челночно снующие мимо медсестры и доктора, всё это создавало ненужный трафик вокруг него. Он устал от их суеты, спать в таком месте было невозможно, тем более профессор объявил его переезд в стационар «после завтрака».

К тому же Председатель чувствовал себя зверем в зоопарке. И если зверь хотя бы мог встать на лапы и удалиться в заднее помещение, где его никто не будет видеть, Председатель полусидел, полулежал у всех на виду, в нелепом шутовском одеянии: в чулках и в распашонке, в по виду девичьих больничных трусах. Полголовы обриты, из головы идёт красно-белый шланг, направляясь к флакону, притороченному справа к краю кровати.

Между тем сменилась обслуживающая команда, её возглавляли особенно отвратительная Фаина Ивановна, женщина со злыми чертами упитанного лица, обрамлённого в каре черноволосой причёски, и сгорбленный, с движениями посетителя ТЦ «Европейский», – Рустам. Фаина Ивановна занялась тем, что вначале объявила о пропаже из компьютера неких данных о больных (или может быть даже об одном больном), и вся команда начала неистово искать эти данные. И в компьютере, и в бумажном виде – они обшарили все шкафы. Между тем больные харкали, стонали, сопели и были предоставлены сами себе.

«Все это выглядит как Дантов Ад. А Фаина Ивановна и Рустам – демоны», – отметил Председатель. В Аду, впрочем, отшторили окна и успели впустить дневной свет.

Не найдя данных, Фаина Ивановна обвинила в их сокрытии предыдущую смену: в частности медсестёр Свету и Дашу. За ними пошли, видимо, туда, где персонал переодевался, в надежде, что они ещё не покинули центр.

Пока их не привели, Председатель услышал нелестную характеристику его медсестры. Он узнал, что живёт она в области и что у неё есть ребёнок, прижитый неизвестно от кого, и что девушка легка на знакомства, понимай случайные связи.

«Так я именно такой её и понял», – сказал себе Председатель, именно поэтому и позвал: «Ты, иди сюда!»

Привели Свету. Она переоделась. На ней были зелёные брюки, ещё более подчеркивающие грушу её попы и очень неплохую при этом длину ног. Ну потому что увлекательных поп немало, а если ножки не длинные, то девочка выглядит приземистой. Председатель подумал, что у Светы, должно быть, нежный чуть вспухший живот, и даже вздрогнул от нахлынувшей похоти.

Они там ссорились, но нежная медсестра правильно не распалялась, а что-то ворковала убедительное в ответ. Ушла. Фаина Ивановна и Рустам залезли в компьютер и долго шарили там, обмениваясь нелестными ремарками о моральном облике Светы и Даши. На побегушках у них была совсем по виду школьница, звали её Мария. По тону фраз, брошенных Рустамом Марии, Председатель вычислил, что Рустам совокупляет эту Марию, что она этим фактом гордится и служит ему верой и правдой, возможно, отключит больного от жизненно важных капельниц, если Рустам прикажет. И в тюрьму пойдёт ради него.

Когда бесовка Фаина Ивановна ушла в подсобное помещение (Председателю были видны там матрацы, на них, он предположил, члены дежурной команды реаниматоров могли при необходимости отдохнуть, забыться сном на час-другой), Председатель обратился к демону Рустаму:

- Пора меня переводить, амиго!
- Я должен померить вам температуру, давление.
- Ну так я готов...

Кавказцы обычно разговаривают с русскими с таким пренебрежением. Щепотка пренебрежения прозвучала и в голосе Рустама.

Не спеша Рустам остановил компьютер, в котором он продолжал шарить, и принёс измеритель давления. Не спеша напялил измеритель Председателю на руку, надул повязку, измерил.

- Ну как?
- Удовлетворительно.
- У вас тут как в тюрьме!
- Почему?
- Там тоже ждёшь всё время конвоиров, когда они соизволят привести или отвести тебя. Нельзя ли побыстрее? Я ведь уже разместился в палате шесть, там у меня вещи, чего я тут, как дикий зверь, по койке мыкаюсь.

– Мы должны оформить ваш перевод из реанимации в стационар, – сообщила бесовка Фаина Ивановна, появившись.

- Так оформляйте...
- Я освобожусь и отвезу вас. (Рустам.)
- Вы можете отсоединить меня от кровати, наконец?

Рустам наклонился над пристёгнутым к кровати флаконом, очевидно, не особо соображая, как его отстегнуть. Бесы Рустам и Фаина Ивановна, дошло до Председателя, пусть и числились докторами, по сути исполняли функции нацистов-нормировщиков, считали работу, выполняемую медсестрами, загоняли сведения в компьютер. Отстёгивать Рустам не умел либо, исполняя обязанности нормировщика долгое время, забыл, как это делается.

- Смотрите, там нужно повернуть ремешок так, чтобы он прошёл в пазы. Увидели?

Флакон отстегнули. Председатель зажал его в правой руке, так как в левой у него был мобильный телефон.

Рустам отошёл в боковую комнату, так что стал не видим с койки Председателя. Туда же вошёл бородач в синем халате, и они там забубнили. Председатель надеялся, что бородач пришёл, чтобы затолкать его койку в лифт и доставить в палату шесть стационара.

- Ничего такого. Бородач вышел и ушёл.

Председатель обратился к Марии, бежавшей мимо с постным лицом: «Мария, профессор сказал, что после завтрака меня доставят в стационар. Так переводите же. Уже второй час пошёл после завтрака».

– Мы должны оформить ваш перевод в стационар. (Бес Фаина Ивановна из своего каре укоризненно смотрела на него.)

- «Ах ты жирная тварь, кусок нацистки», – подумал Председатель.

– Так делайте же, вы уже час мне талдычите о вашем документе, его можно сделать за десяток минут.

- Мы ещё не померили вам температуру.
- Так меряйте! («Жирная нацистка, – мысленно добавил он. – Делай! Меряй!»)
- Рустам! Рустам!

Подошла Мария с градусником. Глаза у неё были испуганными.

- А где Рустам?

– Поехал встречать больного.

«Ну да, смылся с места назревающего скандала. Чурки, они такие», – подумал Председатель. Померив температуру, все опять застыли.

– Значит, так, – сказал Председатель. – Сколько этажей до стационара?

– Два вниз. (Мария подавленно.)

– Давайте мне сопровождающего, и он меня спустит в стационар.

– Это противоречит нашим инструкциям.

– Тогда везите меня, дьявол вас побери, на кровати.

– Мы не можем переместить вас на этой кровати. (Бесовка Фаина Ивановна.)

– Что?

– Эта кровать принадлежит этому этажу, реанимации, и она не должна по инструкции покидать реанимацию.

...Стали собираться врачи, медсестры, несколько больных. По их виду можно было определить, что они покорны, как приготовленные к закланию на бойне коровы. Но поскольку происходило ЧП, они стеклись и тупо наблюдали за происходящим.

– Я сейчас встану, сам пойду в лифт и доберусь до стационара.

– Вы не должны этого делать. Существует инструкция.

– И что глаголет ваша инструкция?

– Из стационара должны подняться на наш этаж с их койкой, мы переместим вас на койку стационара, и вас отвезут.

– Так где же они?

– Мы им звонили. Ждём!

– Звоните ещё! Мне пробуравили череп в двух местах. Удалили огромную гематому. Я оперирован, я хочу чтобы из вашего Бедлама меня переместили в палату, за которую я заплатил. Я там усну, наконец.

– Мы ждём. Они не спешат.

– Так спустите меня туда на вашей драгоценной кровати, чтоб вам пусто было, нацисты. Там перевалите на их кровать и возвращайтесь к себе и к своим кроватям.

Председатель сидел, как восставшая обезьяна, на кровати с бортиками, а вокруг, серьёзные и тусклые, стояли жители реанимации.

– Мы не можем, я же вам объяснила. У нас инструкции. (Бесовка Фаина Ивановна.)

Председатель, сжимая флакон с кровью, сотрясая шланг с кровью, ведущий из его головы, нажал на телефон Дмитрия.

– Дима, эти фашисты из реанимации вот уже два часа не переводят меня в стационар. Набери профессора и расскажи ему, что тут происходит. Пусть он наведёт порядок!

Дмитрий попытался его успокоить, но Председатель был дико зол, столкнувшись с их внутренним абсурдом. Он отключил Дмитрия.

– Так, – сказал он. – Или вы меня везёте вниз на два этажа ниже немедленно, или я разнесу сейчас ваш барак к такой-то матери!

Председатель увидел, что при этих его словах глаза у доброй половины его аудитории внезапно потеплели. Вероятно, у них у самих появлялось такое желание разнести барак к... такой-то матери.

– Я, между прочим, в тюрьме сидел за государственные преступления. – Председатель осмотрел аудиторию. Бесовка Фаина Ивановна молчала, вид у неё был подавленный.

Ситуацию разрешило появление койки из стационара, которую толкали две незлобного вида, но абсолютно неэнергичные женщины.

Их койка была чуть ниже койки реанимации. Прижимая к груди флакон с кровью, Председатель свесился на локте над прибывшей койкой и упал на неё. На него возложили одеяло.

По дороге он вьедливо издевался над двумя сестрами, объясняя им, что пациент – главное действующее лицо в их фашистско-медицинской мистерии, а не инструкция.

Ещё он схватил горсть леденцов, леденцы встретились ему по дороге при остановке у лифта, и с наслаждением стал поедать леденцы один за другим.

Его ввезли в палату шесть с жёлтым сломанным стулом, добавили подушек и ушли.

С кровати стало видно, что на балконе дома напротив (Председатель вдруг вспомнил адрес: Выползов переулок) висит труп молодой девушки с ярко накрашенными алыми губками. Она смотрит на него милостиво. «Ты ведь приходил на кладбище. Спасибо. За это я тебе ночью помогла. Поживи ещё».

Он приходил на кладбище в годовщину её смерти. Принёс цветы. Она в свою очередь сделала так, что он остался жив сегодня.

## Out

Через два дня после операции его подвергли ещё более суровой атаке демонами, чем в первый раз.

Да и окружение было суровее. Запуганная женщина, толкавшая его кресло, уступала места в лифте всем, всем, всем, провезла его по этажам и коридорам фашистско-европейского центра в сопровождении Серёги из Химок («Это чтоб вы меня не обидели и не толкали», – объяснил Председатель присутствие Серёги).

Откуда-то выскочила вышколенная – так её назвал Председатель – «убийца в белом халате» – вертлявая девочка-медсестра с твёрдым блокнотом на пружинах и задала ему тучу вопросов: «Были вы оперированы и когда?», «Есть ли у вас хронические болезни?» и так далее, и, наконец, заставила его расписаться, что он берёт на себя ответственность за атаку демонов во время МРТ.

Только когда эта атака началась, он понял, почему такие предосторожности. Атака была в сотню раз более страшная и интенсивная. Все подземные и космические хрипы и вопли были мобилизованы.

Атаки наплывали, немедленно другие следовали: зубовой скрежет самого дьявола сменялся рядовыми воплями ведьмы, рожаящей Антихриста, затем вопли сменялись скрежетанием ногтей мертвецов по стёклам одиноких хижин. А далее (он представил), раскорячившись, Вельзевул тщился испражниться, и зелёное дерьмо хлестало по раскалённым стенам Ада и шипело на них. Длилось это добрые полчаса, то есть вдвое больше, чем первый его МРТ.

Председатель лежал, закрыв глаза, несколько раз взглатывал, ощущал каждую косточку тела и чувствовал, как грязная кровь из его мозга по капле высасывается в пластиковую канистру в боковом кармане его вафельного (он был сделан из материала, из которого шили в его детстве вафельные полотенца) халата.

Он думал, он не выдержит. Но сил в нём оказалось больше, чем он представлял себе. Демонов отогнали.

– Можете встать. – Женщина, наклонившаяся над ним, была некрасива, непропорционально высока, и, чёрт, где они набрали таких бледных уродов!

– Все выдерживают этот вселенский ужас? – спросил Председатель женщину.

– Некоторых приходится исследовать под наркозом, – сказала женщина.

Вошёл доктор – его звали Алексей, знал Председатель, ассистент профессора, делавшего ему операцию. Доктор показал большой палец. Доктор был доволен и улыбался.

– Во!

«Во!» означало, что его сегодня выпишут. Главный тест – МРТ – он прошёл, видимо, гематому высосали, а что осталось, возможно, разбрызгалось по стенкам его черепа.

Серёга из Химок, трижды судимый, не понял, что атака бесов длилась полчаса. Ему показалось, что меньше.

– Я слышал голоса, как из мультфильма.

Из фильма ужасов, Сергей, из фильма ужасов.

Пропутешествовав в обратном направлении: Серёга, Председатель в кресле, робкая женщина, толкавшая кресло с Председателем, они возвратились в палату номер шесть. И стали ждать доктора Алексея.

В медицинских евро-фашистских застенках всё не быстро. Пока ждали, он несколько раз взглянул на канистру с его мозговой кровью. Это была вторая канистра уже, поскольку

кровь в мозге, по-видимому, стала иссыхать, то и в канистре её плескалось немного, граммов двадцать. Зато пластиковая трубка была забита кровью, разделённой кусками воздуха.

Председатель никогда не был шокирован видом крови, но от сознания, что это кровь из его мозга, ему было противно. Кровь Председателя была редкая, четвёртой группы, обладателей такой крови в мире всего один миллион, и все они почему-то связаны с Палестиной. По преданию, кровь четвёртой группы АВ+ была у Иисуса Христа.

Доктор Алексей, наконец, явился вместе с медсестрой в зелёной марлевой повязке, влекущей тележку с разнообразными медицинскими приспособлениями. Доктор Алексей предложил ему на выбор: он вытащит из его головы дренажный клапан и затем зашьёт раны под местным наркозом новокаина, что будет всё равно больно, одни уколы новокаина в голову – больно очень. Либо вытащит дренажный клапан и зашьёт рану без наркоза, что будет тоже больно, но, по его мнению, менее больно.

– Давайте без наркоза, Алексей.

– Я всегда считал вас необыкновенно сильным человеком.

Председатель только несколько раз ойкнул тихо, пока ему тащили из черепа клапан и зашивали раны. Он сидел спиной к застеклённой стене, выходящей на дом его умершей подруги, и время от времени скашивал туда глаза. Нет ли её на балконе?

Дело в том, что мёртвые давно были для него так же реальны, как живые, настолько он был далёк от живых.

Судите сами, дамы и господа, двадцать лет Председатель живёт под добровольным домашним арестом и покидает помещение, где он заточён, только в сопровождении охраны... И до сих пор не сошёл с ума... Или сошёл, но не понимает этого...

Пришёл профессор, делавший ему операцию, подписал его выписку, пошутил. Председатель подарил профессору свою книгу «Plus Ultra», а доктору Алексею подарил книгу стихов. По старшинству и по иерархии.

Спустился вниз к зомби в бухгалтерию его старший охранник Дмитрий, и вернулся. Оплатил. Похвалился, что поймал их на намеренной ошибке в их пользу.

...Председатель переоделся из медицинского евро-фашистского комплекта в свой, во всё чёрное. С удовольствием отметив, что он способен сам надеть брюки и туфли, правда, он чувствовал, что слаб, но координация движений в основном вернулась в нему. Походил по палате осторожно. Покосился на «её» балкон.

Несомненно, её дух сейчас на этом балконе. Здесь ей было хорошо, не на кладбище же её духу мёрзнуть. Во время посещения дворца императора Павла в Гатчине экскурсовод сказала, что в подземном ходе посетители и служащие не раз замечали привидение.

– Ну да, это он. Его убили в Михайловском замке в Петербурге, привидению там неуютно и неприятно и, может быть, страшно находиться. Поэтому он переносится сюда, где у него были хорошие годы и дни, – пояснил Председатель.

Экскурсовод посмотрела тогда на Председателя подозрительно, не мог же он сказать ей, что он свой в мире привидений, в параллельных мирах. Что он подолгу разговаривает со своими тремя мёртвыми жёнами и с мёртвой матерью, ругает их и ругается с ними, как с живыми. С мёртвыми мужчинами он не разговаривает. Почему? Не знает. Может быть, потому же, почему женщины ведьмы. У них сверхъестественные способности? Может быть.

Везти его домой приехал ещё один Сергей – старший лейтенант. На неисправном отечественном автомобиле. Демоны овладели и водителем, и автомобилем. Из центра в центр Москвы они добирались более часа, их отвлекли, завлекли и сманили далеко от адреса Председателя. И старлей Сергей был сам не свой, он бормотал несвязное, о каком-то левом повороте, которого так и не было.

«Ну да, демонам левый поворот убрать ничего не стоит», – сказал себе Председатель.

Всё же кое-как они доехали. Видимо, демоны не хотели его отпускать. Очень полюбили или был нужен.

– Чёрт те что... Какая-то «Майская ночь, или Утопленница», – бухтел Председатель, открывая дверь в своё жилище. И это среди бела дня... Ехать более часа до места жительства, которое находится в пяти минутах езды...

## Подарки

Квартира стала ему чужая. Закрыв за охранниками двери, он осторожно посетил обе комнаты, и большую, и библиотеку. Посидел в молчании на чёрных креслах, постоял у картин. Пришёл к выводу, что после его смерти всё это сгребут да и выбросят к чёртовой матери, за исключением, может быть, пары-тройки картин, написанных маслом, тот, кто будет убирать за ним следы его жизнедеятельности, решит, что масляную живопись, может быть, возможно будет продать.

После операции светлая, выходящая на две стороны дома окнами квартира показалась ему низенькой и подслеповатой. На самом деле дело обстояло не так, даже в ванной комнате наличествовало окно, что вызывало подобие удовольствия его подруги. Вот прихожая, где он два раза упал как подрубленный, действительно была крошечная, с искусственно низким потолком.

Председатель с осторожным недоверием осмотрел прихожую. У его парижской давней пассии Жаклин де Гито на её rue de Savoie только помещение для обуви было раза в три больше. «Но ты не работаешь в гламурном доме моды, как Жаклин, – напомнил он себе, – да и тут тебе не Франция, а страна, только что заведшая у себя модный социальный строй, капитализм, тут всё дорого».

Он осмотрел место, где он падал, головой к двери ванной. Торцы дверного проёма, множество вертикальных торцов, опасное место. Затянуть бы все эти вертикальные линии мягкой толстой обивкой... То есть по пословице бы поступить: «знать бы где упадёшь, соломки бы подстелить».

Интересно, кто жил в этой квартире до него, и как этот мужчина, эта женщина умер-умерла? Председатель представил себе, что он (она) упал на том же месте, где уже дважды падал он, и погиб. Спрашивать у владельца квартиры, Сергея Аркадьевича, не было смысла, он не захочет сказать, да, возможно, и не знает, судя по договору о квартиронайме, квартира отошла к нему лишь шесть лет тому назад. Видимо, от какого-то родственника. А в целом здесь за чуть менее чем столетие («дом был построен неизвестным архитектором где-то в двадцатые годы», – узнал Председатель из книги «Архитектура Авангарда, 1920–1930 годы») могли скончаться и, непременно, скончались человек пять. Ну три.

Комнаты обе были позитивны. Они выходили окнами в небольшой, но густой липовый сквер. Сейчас ещё рано, но в апреле пойдёт зелень, в зелени начнут возиться воробьи. Жизнь забурлит после зимней спячки. Меньшая из комнат имела дверь на террасу, никто из последних владельцев квартиры, слава Богу, не догадался её застеклить. На террасе весной и летом плясало солнце, вкось туда били московские дожди. В некоторые солнечные уикэнды Председатель и его подруга загорали на террасе и пили вино. В меньшей комнате у Председателя одна стена до самого потолка была отдана библиотеке.

Старомодно, конечно же, держать библиотеку в наши дни, это ретро-удовольствие могут позволить себе только интеллигентские династии, сохраняющие семейные книги в нескольких поколениях, да одинокие чудаки. Председатель в несколько приёмов пытался урезать свою библиотеку, начал с того, что выбросил или раздал все имеющиеся романы, поскольку он не выносил их как жанр, затем избавился от части англоязычных книг (те же романы и переводы с французского на английский). Однако эти две или три чистки не помогли. За это же время ему надарили ещё книг, и библиотека в конечном счёте разрослась, а не сократилась. Председатель плюнул и решил, что final solution его библиотеке принесут те же люди, которые спустят его труп в мамином одеяле по лестнице. (Почему в мамином одеяле? А труп его матери в 2008-м снесли в таком же одеяле с четвёртого этажа в Харь-

кове его охранники. У подъезда на двух табуретах труп матери ожидал гроб. Хлипкий такой, одноразовый, для крематория, дешёвенький.)

Бродя по квартире, слабый после операции Председатель вовсе не выглядел грустным, он был вполне себе доволен настоящим моментом, он не погиб на операционном столе, не стал идиотом в результате операции на мозге (а ведь грязная кровь омывала его мозг), соображал правильно и крепко.

Разумеется, всё произошедшее с ним в эти дни разрушало его планы. Не то чтобы у него было огромное количество планов на будущее. Только познакомившись с понравившейся ему подругой, он сухо сразу же сообщил ей: «У меня нет будущего. Я слишком старый парень, чтобы иметь будущее. Следовательно, и у нас с тобой нет будущего».

Сообразительная подруга согласилась: «нет будущего». И они стали встречаться.

Произошедшее с ним в эти дни разрушило его планы на его смерть. Он почему-то фанатично верил, что в конце концов среди его врагов отыщется смельчак (или смелая организация), которая его физически уничтожит. Ну, застрелит или взорвёт. И он спокойненько отправится в Валгаллу к одноглазому полковнику Одину.

«Мать, мать и мать, туды его!» – выругался Председатель и направился в кухню, куда, собственно, и стремился мысленно ещё из евро-фашистской больницы. Дело в том, что на подоконнике окна в кухне стояли две бронзовые фигуры богинь мудрости и мщения, привезённые из Тибета, принадлежащие древней религии бон, там стояли две дакини. Северная и Южная. Одна из них, опрокинув череп, пила человеческий мозг!

Дакинью подарил ему приятель из Петербурга, странноватый парень, увлекающийся Тибетом, религией бон и всей этой чертовщиной. А в большей комнате у Председателя висела прямо-таки икона Махагалы, божества защитника буддизма. Махагала – свирепый Бог войны. Во времена баснословных подвигов барона Унгерна в Монголии (он захватил её столицу Ургу) монголы называли Унгерна Махагалой, пришедшим спасти Монголию – страну буддизма.

Председатель пришёл убрать дакинью. Они – свирепые, возможно, не признали в нём своего и вот набросились на его мозг. Для любого другого человека такое предположение было бы нездоровым и выглядело бы диким суеверием. Но Председатель устроен по-иному. Для него как раз такие «суеверия», такие причинно-следственные связи и были реальными, а обычное человеческое какое-то там объяснение, ну, например, «сердечная недостаточность», было лишь следствием работы невидимых волей. «Не признали, – бормотал Председатель, – что же вы, sisters, меня не признали», укладывая дакинью в картонную коробку и затягивая коробку шнуром. Затем он вынес их в коробке на террасу. И поставил там пока.

Если они начнут убивать воробьев в липовом саду либо заставят засохнуть липовый сад, придётся отнести древних хулиганок подальше, решил Председатель. Чтоб не безобразничали.

Он не испытал панического страха перед не узнавшими своего страшными девками-демонами и не пенял им за содеянное с ним. Не приняли за своего. Ну, ничего не поделаешь. Председатель был фаталистом.

Не стал подозревать и парня, подарившего ему дакинью. Тот хотел сделать Председателю подарок, но не учёл слепой ярости древних девок.

Вокруг Председателя жили непростые люди и дарили ему непростые подарки.

В феврале 2005 года на празднование дня рождения к Председателю среди ещё полусотни гостей пришёл один из его издателей Борис (издательство ультра-ультра-культурное Emergency Exit) и привёл с собой своего друга, театрального продюсера, режиссёра, главу всяких жюри и путешественника по Африке.

Продюсер подарил Председателю более чем полуметровую – 56 см – африканскую деревянную скульптуру беременной лысой худой женщины. От вздувшегося живота ещё выпирал вперед какой-то острый шип. Груды у скульптуры были козы.

День рождения (Председателю исполнилось тогда всего 62 года) был шумным, многочисленным и по сути последним, который Председатель отмечал.

Скульптура беременной лысой ему понравилась до такой степени, что Председатель поставил её возле своей постели. Жил он тогда на Нижней Сыромятнической улице, в пустынном районе, немногочисленные аборигены называли район «Сыры».

Продюсера Председатель быстро потерял тогда из виду. В апреле того же года, то есть меньше чем через два месяца, Председатель познакомился с актрисой. В те годы, возможно, под влиянием фильма «Ночной портье», Председатель всех своих подруг имел обыкновение оболванивать под ноль при помощи машинки Moser. Уговорил он и актрису. Ей очень шла её голая новая голова. Попутно он ещё влюбился в актрису.

Но только через год, когда актриса забеременела от него, Председатель обнаружил её сходство с африканской скульптурой. Обнаружилось одновременно, что у актрисы был многолетний роман с театральным продюсером, подарившим ему скульптуру лысой беременной. Даже и не роман, но трагическая любовь многих лет, поскольку театральный деятель этот был женат.

Поразмыслив, Председатель пришёл к выводу, к которому единственно и возможно было прийти. Продюсер, подарив ему скульптуру лысой беременной, совершил мистический поступок, в образе скульптуры он подарил ему свою возлюбленную. Екатерина, так звали актрису.

Тут было от чего даже испугаться, от такого подарка. Твердо веривший в сосуществование нашего материального мира с мирами параллельными (переход есть, но не для всех доступен), Председатель не испугался.

Прошло два, что ли, года. По причинам низшего, земного происхождения Председателя и Екатерину отнесло друг от друга. Находясь в состоянии дрейфа и на самом деле поиска женщины, в котором он сам себе не признавался, Председатель однажды позвонил театральному продюсеру, члену жюри, путешественнику по Африке и пришёл к нему в гости.

Продюсер напоил и накормил Председателя и, узнав о его разрыве с женщиной, которую он фактически навязал, подсунул в виде африканской скульптуры, вдруг ушёл в одно из помещений, где у него хранились африканские скульптуры и вернулся со... скульптурой.

Вырезанная, видимо, из щепки какого-то особо твердого африканского дерева, это была фигурка женщины, в самом широком месте достигавшая всего лишь 20 миллиметров, а высотой она была в 200 миллиметров.

Преувеличенная стилистическая худоба фигурки напоминала скульптуры итальянца Джакометти. Грудки были козы, черты лица, в отличие от лысой беременной, ярко выраженные африканские: большие выпуклые глаза, вздутые губы, чуть видимый лишний подбородок на длинной шее. На голове женщина имела символический груз и придерживала его рукой.

– Снова дарите мне женщину?

– Возможно, – улыбнулся продюсер и путешественник по Африке. Было это не то в 2008-м, не то уже в 2009 году. В августе 2009 года в квартиру Председателя (он тогда уже жил на 3-й Фрунзенской) вошла сейчасняя его подруга. Весом менее 50 килограммов, рост 174 сантиметра, длиннющие ножки, щиколотку Председатель мог охватить пальцами, мог сомкнуть вокруг щиколотки пальцы.

Большие выпуклые глаза, длинная шея, козы незначительные грудки. Единственное, что поскольку новая подруга была лишь наполовину еврейка, по отцу, то у неё отсутствовали пухлые губы, унаследованные евреями от смешивания с африканцами. Согласно теории Председателя, евреи вообще-то древние египтяне.

## Обращение к партии

Нашлёпки из медицинских тампонов на голове у него держались плохо. Спать было лучше, чем в евро-фашистском заведении, поскольку убрали кишки, ведущие из его головы в канистру, и когда он в евро-фашистском случайно придавливал кишку рукой или плечом, следовал больнейший такой дёрг, выдерг кишки от головы. Больно было. Но их уже убрали, ещё до того, как зашили голову. Теперь спать стало лучше, хотя тоже не сахар на самом деле, утром на подушке он обнаруживал следы сукровицы, сочащейся из головы.

Доктор Алексей наказал ему ежедневно делать перевязки. Для перевязок стала приходиться Ольга, штаб Партии был неподалёку. Хотя и спортсменка, и бои без правил, но нежнее мужланов, Ольга хорошо делала ему перевязки, в то время как он равнодушным тоном Экклезиаста рассказывал ей об атаках демонов, которым он подвергся. Ему же надо было с кем-то поделиться. По сути дела, можно было и не делиться, он обнаружил в себе новое, поразительное равнодушие ко всему происходящему.

Ольга промывала ему ведущие в глубь черепа раны, а он равнодушно журчал о демонах и об их происках. И о мёртвой подруге на балконе в доме напротив палаты номер шесть. Ольга была в Партии с 2002 года, два года скрывалась от полиции, три года отсидела в лагере, с Ольгой было уютно, несмотря на её строптивость и скептицизм.

– Всё хорошо у вас заживает.

Полбашки они ему выбрили, докторишки, когда он был во власти анестезии, уж выбрили бы всю, вид у него был безумный от этой полбашки с запёкшимися ранами. А сверху и сбоку нашлёпки из тампонов, и они всё время сползали вниз на шею. Дома он стал носить головную повязку на лоб и череп, повязка хоть как-то поддерживала тампоны.

Ему прописали пить, разбавив водой, лекарство цераксон, лекарству сопутствовал длинный текстовый манифест, как сейчас водится, в манифесте ничего не было понятно, слои фармацевтической терминологии. Он разводил 5 мг на 100 граммов воды и пил в два приёма, утром и вечером. Решил быть послушным. Чтоб быстрее зажили раны. Он не сомневался, что дыры, пробуренные профессором в голове, заживут, в этом не сомневался.

Но он также понял, демоны дали ему знать, что это только передышка в неуклонно осуществляющейся судьбе его, от которой не уклониться. Как античный Рок, судьба дожмёт его, пока он не будет лежать носом вверх, бездыханный. Дело в том, что гематома в мозгу была лишь следствием двух его внезапных падений. Загадкой остаётся, почему он падает. Он упал в конце декабря, затем упал в конце февраля, и что теперь – он упадёт в конце апреля?

Хорошего – ноль. Плохого – одни только плохие перспективы. Смерть, конечно же, ожидает всех смертных. Но в его случае похоже, что она явится через месяц, в последние дни апреля.

Он целыми днями спал, не разбирая времени, когда ложится и когда встает. Он не убирал постель в библиотеке, иной раз оставлял на ночь свет, иной раз не оставлял. Он с аппетитом ел и наблюдал за собой.

«Я с аппетитом ем. У меня нет температуры. Я ещё нетвёрдо хожу, но буду ходить твёрже, – говорил он себе. – Однако, посмотрим в лицо очевидному, я не могу сейчас выполнять все обязанности руководителя Партии. Я устаю. Хоть медленно крепну, но устаю. К тому же непонятно, что со мной будет за пределами конца апреля».

Далее он пришёл к простому решению. «Я должен передать обязанности главы Партии другому человеку».

Он стал думать, кому. Пятнадцать человек на сундук мертвеца, но было некому. Один был недостаточно энергичен, другой энергичен, но идеологически ненадёжен... Третий сам не захочет взваливать такой груз.

20-го к нему по его просьбе пришёл старый мудрый партиец Вий. Он предложил не одного, но трёх в качестве замены ему как главе Партии.

22-го утром он с охранниками отправился на освидетельствование к светилу, который за восемь дней до этого послал его на операцию к профессору. У светила у него обследовали ультразвуком артерии, ведущие к мозгу, сделали анализ крови, проделали некие проверки сердца. Сердце удовлетворило и проверяющего – толстого молодого доктора, и потом удовлетворило светило.

В крови у него обнаружился в несколько большем количестве, чем нормальное, холестерин, а также было излишне много глюкозы, но только и всего.

– Профессор, – спросил он у светила, просматривавшего анализы, – а у меня это не инсульты были?

– Нет, – однозначно отвечал профессор. – Сердце у вас здоровое.

Когда светило вручил ему и анализы, и рецепт в аптеку, там значилось «атеросклеротическая болезнь», а лекарства были вот какие: «когитум» и «липримар».

23-го к нему в условленное время приехали все трое, те, кто будет заменять его.

26-го он поместил в своем ЖЖ в Интернете следующее обращение:

«Обращение к личному составу Партии:

Внезапное ухудшение моего здоровья, наступившее в середине марта, насторожило меня и заставило озаботиться дальнейшей судьбой Партии.

Опасаясь, чтобы в случае, не дай Бог, следующего ухудшения Партия не оказалась бы внезапно обезглавленной и неуправляемой, назначаю членов Исполнительного комитета Партии: (следовали три фамилии) исполняющими обязанности руководителя Партии.

Пост Председателя Исполкома Партии пока остаётся за мной. Прошу личный состав Партии беспрекословно подчиняться решениям этого триумvirата товарищей.

Не дёргайтесь, не переживайте. Мы продолжаем наш путь к неизбежной победе.

Председатель».

– Ты правильно всё сделал, старый, – Председатель лежит в темноте. – Справятся они или нет без тебя, не так важно. Во-первых, ты действительно физически не можешь сейчас исполнять функции главы Партии.

Во-вторых, Партия стала меньше, чем ты. Она потеряла кураж, драйв, сделалась обычной. Если они не сумеют её возродить или накачать новой кровью, значит, она умрёт. Всё слабое умирает.

Нет, слово «возродить» не подходит. Начать заново. Нащупать нерв эпохи и использовать этот нерв. А не продолжать использовать старый нерв.

В 90-е и в первые годы XXI века тебе удалось создать политическую организацию из парней и девушек России, ты правильно понял, что они никому не нужны, и предложил им смысл жизни и судьбу. Но этих ребят и девушек уже нет, они сошли со сцены Истории. Лучшие – погибли, большинство ушло в жизнь страны, переженились, родили детей.

Председатель, ты правильно поступил, старый, передав функции главы Партии трём товарищам, отныне триумvirат этот будет рулить, посмотрим, что нарулят. Однако он ещё формально оставил за собой пост Председателя Исполкома Партии. Зачем? В надежде на авось – вдруг придётся исправлять их.

Какие у тебя к ним претензии?

– Они стали как все другие партии. Другие партии подтянулись к стандартам и методам его Партии, какими они сложились где-то к 2005 году, но сама Партия дальше не пошла. Она топчется на месте, она копирует свои АПД (акции прямого действия), которыми она прославилась десяток лет тому назад, но копирует бледно и слабо.

– Чтобы стать авангардом для новой молодёжи, Партия должна опять стать радикальной. Но они трусят, боятся, и достаточно отмороженных кадров у них уже нет. Герои

погибли. Погиб на балконе в Уссурийске убитый полицейской пулей Сухорада, приморский партизан.

Председателю вдруг стало ясно, что Сухорада пошёл по тому же пути, с которого его сгрело ФСБ в 2001-м, его, Председателя.

Выйдя из тюрьмы в 2003-м, сам Председатель не пошёл по тому пути, с которого его стащила ФСБ. Он пошёл на союз сперва с КПРФ, потом с либералами. Сухорада попытался наследовать ему в радикализме. Ему не удалось начать партизанскую войну в Казахстане, Сухорада начал её в Приморье. И был убит. Это 2010-й.

А в 2011-м либералы предали Председателя и партийцев. Триумвират не выберет курс Сухорады.

Они будут делать так, как поступают сейчас все? Им не удастся возрождение Партии? Нерв нового поколения они не найдут?

Председатель задремал от волнения.

## Анонимка с комментариями

Это был не то понедельник, не то вторник. Данила вышел за едой в магазин «Магнолия», а возвратившись, нашёл у его двери между стеной и кабелем электропроводки аккуратный конверт.

– Вам конверт!

На конверте жирным компьютерным шрифтом в самом центре стояла его фамилия и инициалы.

– Где был? В ящике лежал?

– Нет, к двери вам доставили, между стеной и кабелем находился.

Конверт был прочно, старательно заклеен, потому Председатель прошёл к письменному столу и обрезал край ножницами.

– Ой, – сказал любопытный Данила, заглядывая через правое плечо Председателя. – Дураки какие, подписались из Шерлока Холмса!

Если бы не Данила, он бы никогда не понял, что письмо подписано литерой М, состоящей из четырёх шпаг.

– Объясни.

– Ну, злодей Мориарти, один из персонажей историй о Холмсе, так подписывался. Анонимку вам прислали.

Вот он текст, как он есть, переписан прямо с листа.

*«Уважаемый Председатель!*

*Я испытываю к Вам уважение и отчасти гордость за Ваши жизненный опыт, не сломленную годами стойкую патриотическую идею!*

*Хотелось бы поинтересоваться Вашим самочувствием, особенно после полученной черепно-мозговой травмы. Вы пошли на поправку? Мигрень, головокружение, слабость в организме прекратились? Как мне помнится, у Вас были трудности с ногами».*

Трудности с ногами автор анонимки мог наблюдать, находясь в наружном наблюдении, пару последних раз, когда Председатель выходил из подъезда и садился в поданную к самому подъезду «хуиндаи». Он стал действительно подхрамывать на левую ногу.

Черепно-мозговой травмы у него никакой не было. Были два сотрясения мозга, одно в декабре, другое в феврале, но череп никогда не был повреждён. Мигрени также никакой нет и не было. Домысел, также как и черепно-мозговая. Головокружение было относительное, небольшое.

*«В Вашем возрасте надо беречь здоровье! Перестать злоупотреблять спиртным!»*

Беречь своё здоровье могут только обыватели. Человек его типа беречь здоровье не сможет, даже если очень захочет. Верно то, что ему нужно принимать во внимание свой возраст, а не вести себя, как будто ему 27 лет, а не 73 года. Что до злоупотребления спиртным, то злоупотреблением он для себя считал поглощение полной бутылки красного сухого вина объемом 0,75 литра. Обычно он ограничивался двумя третями бутылки.

*«Вам ещё надо вырастить и поднять на ноги двоих детей, которые очень сильно скучают по Вам».*

Вряд ли скучают, на самом деле они в большой степени заняты собой, мои дети, и своим ближайшим окружением: мать, няня, друзья и недруги в школе. Его бывшая жена выращивает их, на резвых молодых ногах они давно бегают, поднимать их незачем, они не инвалиды...

*«Интересно, а почему Вы живёте в съёмной квартире, которую, по удивлению, из всех владельцев сдал всего один человек? При этом осознавая, кто Вы есть (революционер), может, в этом есть определённый замысел?»*

Они (авторы или автор анонимки) рассчитывают пробудить в нем подозрительность к хозяину квартиры – смиреннейшему Сергею Аркадьевичу. При этом он или они (автор, авторы) исходят из ошибочных данных. Из всех владельцев было как раз, кажется, двое не согласившихся сдать ему квартиру, сам он забраковал за три дня шесть, кажется, не подходящих ему квартир. А Сергей Аркадьевич даже не присутствовал при сдаче своей квартиры, приехали от него девушка и парень, муж и жена. Врут анонимщики, понимаете, основывают на своей лжи шаткие предположения. Пусть он и революционер, но к нему всё лучше относится обыватель. А паранойей Председатель не страдает, скорее разумно относится к действительности. Он даже не упомянет Сергею Аркадьевичу о пошлой анонимке.

*«Полюбопытствую, удалось разобраться с угрозой, которую Вам передал Саша А.? Отмечу, что Санёк ещё тот болтун, за кусок дамской промежности и стопарь коньяка готов „продать“ не только секреты партии, но и мать родную».*

Об угрозе его информировал вовсе не Саша А., но Сергей А. То есть – слышали звон, но не оттуда вы его определили.

Сергей А. прислал ему в середине февраля по e-mail следующее сообщение:

*«Приветствую! Вчера ночью прислали сообщение... наш общий старый-старый знакомый. Он трётся где-то возле верхов сейчас. А-ля Павловский. Не думаю, чтобы он был Вашим симпатизантом все эти годы, но, может, сейчас что-то изменилось...»*

Он сам инициативно написал. Дал понять, что *есть угроза для Вас*. Я попробовал уточнить детали, но безуспешно. Конкретики вообще никакой. Не хочет или не знает.

*Единственное, скорее серьёзная угроза, чем наоборот. Имейте в виду.*

«.

Саша же А. скорее похож на «бурша» – немецкого студента, гуляку и бабника последние годы, поскольку, вероятнее всего, так он переживает разрыв с женой. Секреты Партии, насколько нам известно, Саша А. не продавал, если бы знали, наказали бы исключением.

Желание напугать его обилием информации о нём дало обратный результат. Смешны вы, авторы анонимки, путающие С. А. с А. А. и пытающиеся играть на родительских чувствах Председателя, каковых чувств у него нет.

К тому же он *a priori* предполагает, что находится под непрерывным наблюдением спецслужб, живёт таким образом уже два десятилетия, привык, и не особо ухом ведёт, когда наблюдение за ним становится видимым.

*«Не могу понять, в преклонных годах человеку для чего сдалась эта власть? Вы не успеете насладиться её плодами. Особенно жаль осознавать, что после Вашего ухода с поста Председателя Исполкома вашей независимой политической партии – все члены Исполкома будут срагаться, перегрызут друг другу глотки».*

Власть сдалась такому человеку, как ваш адресат, не для того, чтобы «насладиться её плодами», это вы, мелкие ребята, делаете что-либо, чтобы насладиться. Власть нужна, чтобы изменить судьбу Родины, возмутился Председатель.

По поводу перегрызания друг другу глоток, то этого не было, когда он, Председатель, находился за решёткой, а сейчас и тем более партийные руководители стали на 15 лет мудрее. Члены Исполкома не будут «срагаться», как вы грубо и глупо выразились.

*«Как поживает Ваша подружка „Фифи“, ревность к Вам не утихла? „Концерты и припадки“ Вам более не устраивает? Как это Вы делите одну женщину на двоих? Муж „Фифи“ в курсе её увлечений и пламенных вздыханий?»*

С мужем Фифи действительно не всё ясно. Вероятнее всего, он всё-таки не живёт с Фифи в одной квартире, иначе не вынес бы её расписания: то командировки, то любовником занята. Председатель не исключает, что Фифи способна жить с двумя мужчинами, но всё же не считает эту гипотезу правдоподобной. К тому же должно же быть какое-то количество тайны в жизни порядочного человека.

*«Главное, обратите внимание на С, работающего на СБУ».*

Это последняя фраза анонимного письма. Тут, как им кажется, они бьют без промаха. С. действительно попадал в плен к ВС Украины на территории Донецкой Народной Республики и провёл пару месяцев в тюрьме СБУ. Тут один лишь шаг до предположения, что он «работает на СБУ».

Если бы работал, давно бы сидел в подвале, или, как они в ДНР говорят, «на подвале» в МГБ в Донецке. Но не сидит.

Ознакомив с анонимным письмом товарищей по Исполкому, Председатель получил их такое мнение:

Это спецслужбы активизировались по приказанию сверху, поскольку Партия было вошла в «Комитет 25 января». Правда, 5 марта Партия вышла из «Комитета», но спецслужбы инерционны, они реагируют с опозданием.

## Подруга

27 марта к нему приехала подруга. На ней было вязаное строгое пальто с опушкой короткого серого меха и сапоги.

Весёлая, показалось, что похмельная. В жёлто-блакитном платьице, правда, на талии была тёмная полоса, так что всё же не хохляцкий флаг, под которым столько уже убито и столько партийцев изранено.

Она принесла букет жёлтых роз, числом одиннадцать. Розы были густо-жёлтого цвета и очень аппетитные.

– Я обрезала чёлку! Ты видишь!

– Ты мне писала, что обрезала. – (Она писала ему в Интернете.) Он налил ей белого вина, а сам пил воду, просто воду. И ел принесённую ею элегантную сосиску из кондитерской «Фрау Бротхен». Сосиска была заплетена в тесте и видна была, как тело женщины в платье с многочисленными вырезами.

– Ну как ты? Давай я тебя всего остригу, а то у тебя половина волос осталась.

– Пусть вырастут. Тогда.

– Давай! Ну!

– Я боюсь, что от вибраций Moser у меня лопнет череп и растечётся мозг.

– Сумасшедший.

– Пойдём!

– Я думала, может, ты болен, и мы просто поговорим. А ты... Зубки только почищу.

Она ушла в ванную.

Вышла голая.

– Смотри, как я потолстела.

Действительно, у неё появился небольшой живот.

– В Варшаве нас кормили на убой. Очень хорошо.

Она показалась ему низкорослей, чем была до его операции, более рыхлой и более простой. Она смеялась и скалила зубы. Как простушка. Не это от неё требовалось.

«Со мной случилось то, что я вижу мир по-иному, – понял он, – более пронзительно. Не дай Бог, исчезнет её аура, – подумал он. – Этого мне только не хватало...»

Она было легла на спину, но он поднял её и поставил на колени. Его член как-то необычно легко проник в неё, и он подумал, что она занималась любовью до этого. Где и с кем, его совсем не интересовало, но занималась. Затем всё обратилось в осязание, они перешли в область осязания.

Она никогда не показала ему своего паспорта. Как примитивная заводская девка, лимитчица какая-то, хоть и еврейка, что предполагает и манеры, и образование.

Как-то раз ему нужно было перевести деньги, просто у него из-за преследовавших его в те годы приставов (они пытались вытащить у него 537 тысяч по судебному процессу против него мэра Москвы) не было банковского счёта. Она было согласилась, чтобы деньги перевели на её счёт, однако через некоторое время из собравшейся заплатить организации ему позвонили и сообщили, что «ваша подруга отказалась предоставить её личные данные».

На протяжении более чем шести лет их любовной связи она никогда не дала ему своего адреса. Он не знал ни улицы, ни дома, ни номера квартиры. С её слов он слышал название района Москвы, в котором она якобы живёт, но можно ли быть уверенным, что в этом именно районе она живёт? Может быть, жила когда-то. А может, никогда не жила.

По её словам, она обитает с дочерью. С мужем, по её словам, она не разведена, но живёт отдельно от него, хотя свою девочку, по её словам, она довольно часто отправляет

к родственникам мужа, там её очень любят. Вероятнее всего, она всё-таки живёт с мужем, находясь с ним в неких странных отношениях. Ещё в первый год их связи он как-то позвонил ей, и телефон взял мужчина. Председатель не смутился и попросил мужчину передать ей, чтобы позвонила. И назвал своё имя.

Она врёт во многом. Одну её ложь он обнаружил случайно. Когда-то давно она искала через Интернет работу и оставила свои ФИО и, главное, фотографию. Из её резюме он узнал только, что она на самом деле старше того возраста, который ему декларировала. Впрочем, он наткнулся на это старое её резюме тогда, когда уже не отказался бы от неё, даже если бы она оказалась на двадцать лет старше. А после того случая, с телефоном, она завела себе ещё один телефон и включала его только для связи с ним, да и то очень и очень редко. Если она не хотела, то Председатель не мог её достичь. Их связь, впрочем, осуществлялась свободно через e-mail-почту. Такая связь не позволяла никак определить, где она находится, в двух кварталах от него либо в Италии, например.

Однажды, это было ещё на предыдущем месте её работы, её письма к нему перехватил шеф охраны фирмы, где она тогда работала, бывший сотрудник КГБ. Он сообщил ей, что она не должна связываться с Председателем радикальной партии по служебному Интернету, и заверил её, что если бы он к ней лично хорошо не относился, то вынужден был бы доложить боссу.

Боссу он не доложил, более того, когда она вознамерилась переходить на более ответственную государственную службу, этот старый кагэбуха не стал сопровождать её личное дело сведениями о любовной связи с Председателем.

Короче, такая подруга обидела бы своими шпионскими манерами и отпугнула бы уважающих себя истеричных мужчин, но не его. Впрочем, чёрт его знает, о других мужчинах она чуть ли не в первый вечер их хвастливо заявила: «Я всем нравлюсь, все хотят со мной жить!»

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.